

РЕЦЕНЗИИ

ПРАВОМЕРНО ЛИ ГОВОРИТЬ О КРЕСТЬЯНСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ?

Крестьянство в странах Восточной Европы, 1990—2010 гг.:
Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю.И. Игрицкий. М.: ИНИОН РАН,
2013. — 160 с. (Серия «Проблемы общественной трансформации
в странах Восточной Европы и России»)

Самое поразительное в рецензируемом сборнике статей то, что, по сути, он дает на поставленный выше вопрос совершенно однозначный ответ, не ставя под сомнение существование крестьянства — лишь возможность его сохранения в качестве особой социально-экономической и социально-демографической категории в будущем. Это тем более удивительно для работы, вышедшей в России, потому что с конца 1980-х гг. в отечественном обществоведении постоянно ведутся дискуссии о том, сохранилось ли вообще крестьянство в современном обществе; имеет ли смысл говорить о сельском хозяйстве вообще — не следует ли сменить традиционные номинации «крестьянин» и «сельское хозяйство» на «сельхозпроизводитель и сельский житель» и «сельские территории»; насколько сильны позиции «крестьяноведов и фермероведов», особенно в их научной [см., напр.: 5] и литературной ипостасях (в России существует мощная художественная традиция описания крестьянской жизни [см., напр.: 1]); следует ли стремиться к обобщающей аналитической перспективе — российской [см., напр.: 2; 3; 4], постсоциалистической [см., напр.: 8] или международной [см., напр.: 7] — или же важны и отдельные кейсы [см., напр.: 6], по материалам которых можно, например, воссоздать историю российского и советского крестьянства с дореволюционного времени до наших дней на примере жизни отдельно взятой деревни.

Сборник «Крестьянство в странах Восточной Европы, 1990—2010 гг.» включает в себя девять статей, посвященных крестьянству Польши, Румынии, Сербии, Хорватии, Болгарии, Украины, Восточной Германии, Чехии, Словакии и России, семи авторов; их предваряет предисловие, задающее базовые ориентиры для восприятия текстов читателем и сразу обозначающее все те вопросы, что возникают у авторов статей и остаются без ответа, а также те, что не могут не возникнуть у читателя, но не показались авторам заслуживающими внимания. Целый ряд про-

блем, которые на протяжении нескольких (и не только постсоветских) десятилетий волнуют отечественных ученых, в сборнике просматриваются лишь в формате однозначных констатаций, а потому не могут не вызвать у читателя вопроса, почему именно на таких позициях стоят авторы книги. Наиболее яркая подобная констатация заключается в том, что в странах Восточноевропейского региона существовало (в советскую их бытность аграрными или аграрно-индустриальными обществами) и сохраняется поныне и на просматриваемую историческую перспективу крестьянство — как особый социальный класс с собственным жизненным «укладом, отличным от городских служащих и промышленных рабочих», несмотря на прокатившиеся по региону процессы «раскрестьянивания при государственном социализме и окрестьянивания через приватизацию (реституцию) в условиях радикальной общественной трансформации 1990-х годов» (с. 4). Отчасти столь нехарактерную для отечественного дискурса убежденность в сохранении крестьянства, видимо, объясняет то, что авторы сборника — в основном сотрудники ИНИОН, доктора и кандидаты исторических наук, а потому не погружены в дискуссии и споры, которые ведутся относительно понятия крестьянства в рамках прежде всего экономической и социологической традиций.

В качестве обоснования столь твердой убежденности в наличии крестьянства в восточноевропейских обществах сегодня авторы ссылаются на высказывание Т. Шанина (которого вряд ли следует называть «русским крестьяноведом», как это сделано в Предисловии, да и зачем в принципе необходима данная страновая привязка непонятно) о том, что «крестьянство в действительности существует как процесс» (с. 4) (не менее убедительной стала бы трактовка данного понятия в контексте теории габитуса П. Бурдьё), а потому может менять свои «статусы» (субъекта, объекта или синтеза двух ролей) в ходе трансформационных процессов. Обращаясь к работам Шанина, авторы полагают, что рассуждать о крестьянстве в современной Восточной Европе можно только в терминах фермеризации и социально-экономической дифференциации, а не пауперизации, коллективизации и окрестьянивания, хотя использование столь широких категорий по отношению к различающимся по показателям социально-экономического, политического и культурного развития странам неизбежно ведет к упрощениям и игнорированию важных региональных различий внутри каждой конкретной страны. Тем не менее, предлагаемый в сборнике категориальный аппарат и концептуальная модель анализа крестьянства имеют право на существование, потому что позволяют авторам схематично охарактеризовать общие векторы постсоветской трансформации в рассматриваемых странах с учетом как позитивных, так и негативных последствий их вступления в Европейский Союз или иные европейские и международные организации (скажем, в ВТО).

Хотя вряд ли кто-то в России сегодня согласится серьезно рассуждать о стране как части Восточной Европы, включение российской проблематики в сборник не выглядит чрезмерной натяжкой: наше сельское хозяйство также пережило тяжелейший переходный период, который в значительной степени продолжается до сих пор, а «вступление России в ВТО по масштабам воздействия на сельское

хозяйство сравнимо со вступлением стран Восточной Европы в ЕС. Этот шаг призван возыметь далеко идущие политические, экономические и социальные последствия. Но оценки его и прогнозы дальнейших судеб российской деревни прямо противоположны: с одной стороны, утверждается, что вступление в ВТО нанесет сильный удар по российскому сельскому хозяйству и даже “похоронит” его, с другой стороны, высказывается оптимизм, пусть и сдержанный...» (с. 6). «Интонационно» сборник выстроен совершенно корректно: авторы сразу в Предисловии декларируют отказ от однозначных оценок, предпочитая объяснять причины «общей диалектики будущего сельского хозяйства в Восточноевропейском регионе и всей России» (с. 6), а если и делают некоторые обобщающие выводы, то сопровождают их (нередко имплицитно) вопросом «а будет ли так?».

В то же время оценочная тональность описаний постсоветских трансформаций в сельском хозяйстве и крестьянской жизни восточноевропейских стран в сборнике не отличается оптимизмом, что ощущается уже по названиям статей: «Закат польского крестьянства?», «Как помочь крестьянину в условиях постсоциализма», «Проблемы современного чешского крестьянства», «Европейские страдания словацких фермеров» и т.д. Тем не менее, внутри текстов дается предельно взвешенная оценка происходящих в сельском хозяйстве и сельской жизни каждой страны трансформаций с опорой, в первую очередь, на работы представителей данной страны с привлечением большого массива статистических данных. Структурно статьи выстроены по схожим «лекалам»: общая характеристика состояния сельского хозяйства страны к 1990-м гг.; наиболее важные события внутри- и внешнеполитического характера, определяющие тенденции сельского развития в 2000-е гг. и на перспективу; прогнозы на будущее в свете общих и специфических черт трансформационного пути сельского хозяйства страны на европейском и международном фоне.

Так, статья о закате польского крестьянства начинается с обоснования возможности называть Польшу «крестьянской страной»: 38% ее населения проживают в сельской местности, 14% заняты в сельском хозяйстве (что много по современным меркам, поскольку в странах ЕС сельское население в среднем составляет около 4%); по площади земельных угодий Польша третья в ЕС после Франции и Испании, здесь проживает 11% сельского населения всего ЕС. Польские крестьяне считаются «последними в Европе» по двум причинам: во-первых, вступление страны в ЕС в 2004 г. ускорило начавшиеся здесь в 1990-е гг. процессы раскрестьянивания, и с этой точки зрения перед нами действительно последние из сохраняющих свой крестьянский габитус жители сельских территорий; во-вторых, как показывают результаты социологических и исторических исследований, поляки — самые «крестьянские» крестьяне Европы (с. 8), потому что сохраняют особое, почти мистическое восприятие земли. Этому способствовал и социализм, в каком-то смысле законсервировавший элементы традиционного мышления крестьянства, и рыночные реформы, своим несправедливым (в восприятии населения) характером породившие тоску по прежней, более благополучной крестьянской жизни. Тем не менее, в итоге сегодня речь идет о закате польского крестьянства,

потому что «деревня оказалась в числе проигравших от происходящих перемен: бедность, безработица, отсутствие перспектив стали уделом большинства сельских жителей, ...произошло и расслоение крестьянства» (с. 9). Вступление в ЕС способствовало росту доходов крестьянства, улучшению инфраструктуры села, открытию новых возможностей для модернизации крестьянских хозяйств, что породило оптимистические настроения среди сельских жителей, но экономический кризис 2008 г. (и, видимо, сегодня последствия российских антисанкций и продовольственного эмбарго) возродил пессимистические настроения: приток молодежи в сельское хозяйство страны благодаря высоким дотациям ЕС растет, но в то же время растет и эмиграция молодежи в более богатые регионы «старой Европы», а также несамостоятельность Польши в проведении внутренней экономической политики (в частности, роль министерства сельского хозяйства сводится к исполнению координирующих и надзорных функций).

Как и другие статьи в сборнике, раздел, посвященный Польше, отличается взвешенный характер оценок с опорой на статистические и социологические данные. Так, суммируя последствия вступления Польши в ЕС, автор беспристрастно фиксирует как позитивные, так и негативные результаты этого шага для сельского хозяйства страны; столь же последовательно перечисляет преимущества (сочетание прежних традиционных и новых, порожденных, в частности, европейской программой ЛИДЕР, форм самоорганизации и наращивание социального капитала) и проблемы жизни в сельской местности (прежде всего это скрытая безработица, низкая производительность сельскохозяйственного труда, низкий уровень доходов крестьян); не считает, что процессы исчезновения крестьянства были запущены постсоциалистической либерализацией экономики, а видит их истоки в конце 1960-х гг., когда начался период социалистической модернизации, «отток крестьян из деревни и утрата остающимися части своей “крестьянскости”» (с. 22).

Аналогичным образом в сборнике охарактеризовано развитие сельского хозяйства и сельской местности в других странах Восточной Европы, хотя отношение государства к крестьянству может существенно варьировать. Скажем, Румыния представляет собой совершенно особый случай, потому что здесь и стихийно, и целенаправленно (со стороны руководства страны) формируются предпосылки и условия для сохранения в неприкосновенности народной крестьянской культуры, и «эта традиционность всемерно поддерживается государством» (с. 26). Власти Румынии на протяжении полутора столетий предпринимали неоднократные попытки избавиться от архаики в экономической сфере села, однако все они, включая реформирование посткоммунистического периода, оказались неуспешными и стимулировали все более и более интенсивный отток населения из сел в города, а оттуда в качестве трудовых мигрантов в страны Западной Европы. Драматическое положение румынского крестьянина исследователи связывают, в первую очередь, с тем, что практически по всем показателям его жизнь далека от стандартов ЕС, куда Румыния вступила (частично) в 2007 г., и в несколько раз хуже по качественным и количественным параметрам, чем жизнь в городах (медицинское об-

служивание, уровень оснащения жилья бытовыми удобствами и т.д.). И это при том, что, согласно различным источникам, в сельском хозяйстве Румынии занято (т.е. проживает в сельской местности еще больше) от 19% до 30% активного населения (при общеевропейском показателе менее 5%).

Неуспешность попыток реформирования румынского сельского хозяйства после 1989 г. исследователи связывают с тем, что «реформы базировались на рекомендациях международных финансовых организаций и западных экспертов. В их основании лежало представление, что эффективными собственниками и землепользователями могут быть только индивидуальные фермерские хозяйства, а кооперативы и государственные предприятия были признаны неэффективными... Шоковое воздействие на сельское хозяйство, которое предприняло руководство страны, вызывало к жизни многочисленные социально-экономические проблемы, поставив на повестку дня вопрос о продовольственной безопасности страны... Юридическое оформление реституции затянулось на годы и сопровождалось многочисленными конфликтами, злоупотреблениями и судебными процессами... Приватизация сельскохозяйственных предприятий сопровождалась теми же злоупотреблениями, что и в промышленности: коррупцией, расхищением собственности, развалом производства... Деструктивные процессы в сельском хозяйстве усугублялись либерализацией внешнеторгового сотрудничества...» (с. 30—33). Поскольку сельские регионы в Румынии охватывают 87% территории и 45% населения, страна с помощью западных кредитов и при поддержке ЕС пытается восстановить и модернизировать свое сельское хозяйство, но пока с неустойчивыми и противоречивыми результатами, причина чему — все те же преимущества и проблемы опоры на внешние ресурсы, о которых говорилось выше применительно к польскому сельскому хозяйству. В итоге, обладая огромным сельскохозяйственным потенциалом, Румыния сегодня импортирует почти три четверти необходимых для внутреннего потребления продуктов (прежде всего, из соседней Молдавии). «Государственные программы в Румынии сегодня направлены на то, чтобы и сохранить народную крестьянскую культуру, и модернизировать село. И первое, и второе сталкивается со многими проблемами в условиях, когда Румыния продолжает встраивать свою жизнь в общеевропейский контекст» (с. 45).

Все остальные статьи в сборнике структурно, содержательно и оценочно мало чем отличаются от двух приведенных примеров, поскольку проблемы и возможности сельского хозяйства в каждой из рассматриваемых стран схожи, а их различия предсказуемы — в свете объективных географических, социально-экономических, политических, исторических и геополитических факторов и процессов, в которые восточноевропейские страны встроены с разной степенью успешности и интенсивности. Все страны Восточной Европы (а также Центральной Европы и Россию) объединяет то, что в постсоциалистический период аграрное реформирование в них сопровождалось существенным сокращением сельскохозяйственного производства и, соответственно, наращиванием агропродовольственного экспорта; что либеральные модели экономики здесь «столкнулись с традиционной социальной идентичностью и сложившимися нормами и ценностями “общинного” образа

жизни на селе, что и определило резкую диверсификацию итогов деколлективизации на постсоциалистическом пространстве; а отношения собственности оказывали сложное воздействие на сельское хозяйство, существенно различающееся даже по регионам одной отдельно взятой страны» (с. 49); что во всех странах «ножницы цен» в соотношении города и села оказались обращены против производителей сельхозпродукции, что усилило миграционный отток молодежи из сел, набравший серьезные темпы и масштабы еще в социалистический период вследствие нарастания общемировых урбанизационных процессов; что во всех странах правительство осознало недостаточность внимания только к сельскохозяйственной деятельности и важность всестороннего развития сельских территорий (улучшения сельской инфраструктуры, создания условий для сохранения культурного наследия сельского населения, развития традиционных видов сельскохозяйственной деятельности и возвращения населения в депопулированные районы и т.д.; другой вопрос, насколько все эти намерения остаются декларативными или же переводятся в практическую плоскость — здесь ситуация в разных странах различается); что положение крестьян остается исключительно тяжелым, поэтому их численность неуклонно сокращается; что общественное мнение склонно видеть в государстве «виновника плачевного состояния сельского хозяйства» (с. 62), но при этом вина за проблемы с продовольственным самообеспечением отчасти возлагается и на самих сельхозпроизводителей (сильны негативные социальные стереотипы в оценках сельских жителей); что происходит старение сельских домохозяйств, поэтому они просто не в состоянии интенсивно участвовать в производственном процессе; что крайне низки государственные субсидии, направляемые в сельское хозяйство (особенно на фоне размеров субсидирования сельхозпроизводителей в Западной Европе); что «типичные новые бедняки — это живущая в поселке сельского типа семья с работающими родителями» (с. 64) и т.д.

Не менее аккуратно и тщательно авторы сборника фиксируют и важные особенности рассматриваемых обществ, определяющие специфику их исторического пути в социалистический и постсоциалистический периоды. Например, не во всех странах Восточной Европы были приняты законы о реституции земельной собственности, и не везде они породили исключительно негативные последствия, как, скажем, в Югославии, где для части населения закон оказался совершенно бессмысленным (новые собственники, не обладая ни техникой, ни финансовыми средствами, ни навыками работы в сельском хозяйстве, были вынуждены отказаться от обретенной благодаря закону «отцовской земли»), но при этом разрушил крупные земельные площади целого ряда агропромышленных предприятий (с. 59). В разных странах совершенно по-разному развивается сельскохозяйственная кооперация: например, в России она крайне слаба, несмотря на длительную, пусть и прерывистую, историческую традицию, а в Сербии в последние годы процесс создания сельскохозяйственных объединений и кооперативных союзов (для выражения общих интересов крестьян) принял массовый характер.

Впрочем, все эти различия не отменяют того факта, что повсеместно в рассматриваемом регионе «сельские жители продолжают ощущать себя жертвами

постсоциалистической трансформации, изо дня в день чувствуя, как увеличился сократившийся при социализме разрыв в уровне жизни между городом и селом» (с. 71). В сборнике в приведенной ниже цитате речь идет об Украине, но можно подставить вместо нее любую из рассматриваемых в книге стран — вряд ли в высказывании придется что-то кардинально менять: «проводимая аграрная политика не достигла поставленных целей и задач. До сих пор не завершена аграрная реформа, не создан рынок земель сельскохозяйственного назначения, не решены проблемы с государственной помощью сельхозпроизводителям, не налажена необходимая социальная инфраструктура, высок уровень безработицы на селе и т.п. Решение всех этих вопросов зависит не только от хорошо сбалансированной нормативно-правовой базы и благоприятных погодных условий, но и от внешних факторов, связанных с вступлением в ВТО», например (с. 90).

В целом сборник статей, как и другие аналогичные издания ИНИОНа по другим тематикам, позволяет получить объективное и развернутое представление о ситуации в сельском хозяйстве целого региона, по которому в отечественной междисциплинарной традиции мало работ и сведений, тем более за последние годы и особенно по крестьянским практикам. В книге выдержан хороший баланс между статистическими выкладками, с одной стороны, и социологическими данными и экспертными оценками — с другой; между обобщающими сводными сведениями и фокусировкой на важных особенностях исторического пути каждой страны (например, упомянут военный конфликт, разразившийся на Балканах в 1990-е гг.). Однако лаконичность и небольшой объем обзора порождают его неизбежные ограничения, которые не могут не сопутствовать подобному формату реферативных изданий. В частности, в книге несколько смущают редкие вставки в аналитические обобщения на основе статистических данных объяснений типа «традиции и ценности крестьянской культуры коренятся в глубинах менталитета поляков, хотя и не всегда осознанно, чаще проявляясь на уровне подсознания, интуиции» (с. 7), или слишком радикальные утверждения о том, что «в ближайшем будущем в России и в мире многое будет зависеть от того, в чьих руках окажутся земли России, и наилучший вариант — это в руках государства» (это совершенно бездоказательное утверждение, особенно в свете того, что в последние десятилетия происходило с сельским хозяйством страны под неусыпным вниманием государства) (с. 156). Впрочем, это не главное в книге, которая всего на 160 страницах убедительно воссоздает впечатляющую ретроспективу трансформаций, переживаемых сельским населением стран Восточной Европы, на фоне общеевропейских и даже мировых социально-экономических и социально-политических процессов. К сожалению, эта ретроспектива оказывается весьма грустной, даже трагичной с точки зрения будущего развития села, но читателя, видимо, должно обнадеживать отсутствие в книге заключения — как символический отказ от подведения итогов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Казарезов В.* Крестьяне в произведениях русских писателей. М., 2012.
- [2] *Калугина З.И.* Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск, 2000.

- [3] *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.
- [4] *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.
- [5] Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002.
- [6] *Ястребинская Г.А.* Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992—2002. М., 2005.
- [7] *Allina-Pisano J.* The Post-Soviet Potemkin Village. Politics and Property Rights in the Black Earth. Cambridge University Press, 2008.
- [8] The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia / C. Hann C., R. Rottenburg, B. Schnepel, S. Shimada (Eds.). Vol. 1. Münster, 2003.

DO WE HAVE THE RIGHT TO SPEAK ABOUT PEASANTRY IN THE CONTEMPORARY EASTERN EUROPE?

Book Review: *Krest'janstvo v stranah Vostochnoj Evropy, 1990—2010 gg.: Sbornik nauchnyh trudov [Peasants in the Eastern European Countries, 1990—2010] / Yu.I. Igritsky (Ed.).*
М.: INION RAN, 2013. — 160 p.

REFERENCES

- [1] *Kazarezov V.* Krest'jane v proizvedenijah russkikh pisatelej [Peasants in the Works of Russian Writers]. М., 2012.
- [2] *Kalugina Z.I.* Paradoksy agrarnoj reformy v Rossii: sociologicheskij analiz transformacionnyh processov [Paradoxes of the Agrarian Reform in Russia: Sociological Analysis of Transformational Processes]. Novosibirsk, 2000.
- [3] *Kalugina Z.I., Fadeeva O.P.* Rossijskaja derevnja v labirinte reform: sociologicheskie zarisovki [Russian Village in the Maze of Reforms: Sociological Sketches]. Novosibirsk, 2009.
- [4] *Nefedova T.G.* Sel'skaja Rossija na pereput'e: Geograficheskie ocherki [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. М., 2003.
- [5] *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studying Rural Russia].* Ed. T. Shanina, A. Nikulina, V. Danilova. М., 2002.
- [1] *Jastrebinskaya G.A.* Taehnaja derevnja Koblevo. Istorija sovetskoj derevni v golosah krest'jan: 1992—2002 [Taiga Village Koblevo. A History of Soviet Village in the Voices of Peasants: 1992—2002]. М., 2005.

И.В. Троицук